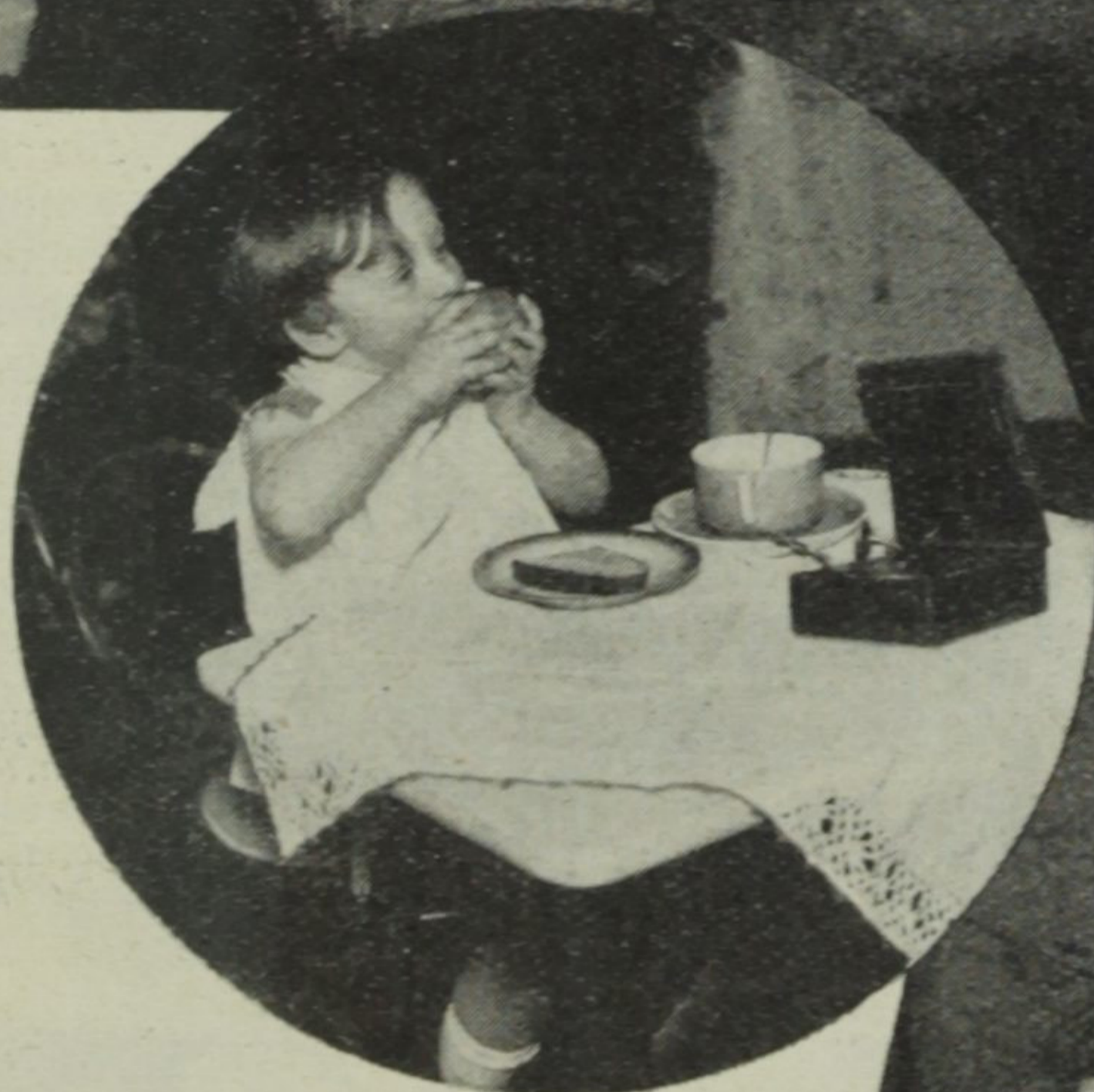

Ich hab zuhaus ein Gra...

Die Aufnahme von Grammophonplatten erfolgt seit neuestem elektrisch, auch auf weite Entfernungen hin, mittels Mikrophon wie im Radio. Selbst das Atmen eines Sängers wird auf diese Weise für immer festgelegt und hörbar gemacht...

Oben: Das Reisegrammophon macht Morgenmusik. Mitte rechts: Die Musik als Verführerin. Darunter: Grammophonmusik zum Frühstück. Unten rechts: Die Wirkung der Lachplatte.

Photos Willinger

In jeder besseren Familie hat man jetzt schon zu Hause ein Grammophon. Der Erfindung Edisons war ein eigentümliches Schicksal beschieden. Sie hatte anfangs einen Welterfolg zu verzeichnen. Das Grammophon war die Sensation und überall beliebt. Aber diese Liebe schlug bald in Haß um. Und mit Recht. Denn die Kindheitsjahre des Grammophons waren entsetzliche. Ein so geräuschvolles Baby, ein so ungezogenes, lautes und abscheuliches, hat selten ein Erfindergehirn in die Welt gesetzt. Die Kultur einer ganzen Welt trat dem ungebärdigen Krawallmacher entgegen, tat das Grammophon in den Bann. Alle musikalischen Ohren verschlossen sich ihm beleidigt. Niemand wollte Geduld haben, niemand abwarten, bis das Grammophon ein Kunstinstrument, eine beispiellose Errungenschaft, ein Kulturfaktor sondergleichen würde.

Und heute wissen wir schon: das Grammophon hat gesiegt. Es hat sich verfeinert, hat höchste Vollkommenheit erreicht, es stellt heute schon die mächtigste Stimme in der Musik, es präsentiert sich bereits in einer Idealform. Die Sprechmaschine trat zum zweitenmal ihren Siegeslauf an. Und diesmal endgültig. Selbst die konservativsten Zuhörer, selbst die geschworenen Feinde aller mechanischen Musik können sich ihrem Zauber, ihrer wundervollen Reinheit nicht verschließen. Sie müssen das Grammophon als Kulturfaktor ersten Ranges anerkennen. Seine Bedeutung für die Geschichte der Menschheit

gleichet jener des elektrischen Lichtes, des Aeroplans oder des Radio. Dem neuen Antlitz der Welt prägt auch das Grammophon seine Züge auf.

Der Abscheu gegen die mechanische Musik mag berechtigt sein. Aber das Grammophon hat ja mit mechanischer Musik gar nichts zu tun. Es gibt doch nur persönliche Kunst wieder,

Ich hab zuhaus ein Gra...

В последнее время запись грампластинок осуществляется электрическим способом, еще и на значительных расстояниях от источника звука, с помощью микрофона, как в радио. Даже дыхание певца таким образом фиксируется и становится слышимым навсегда.....

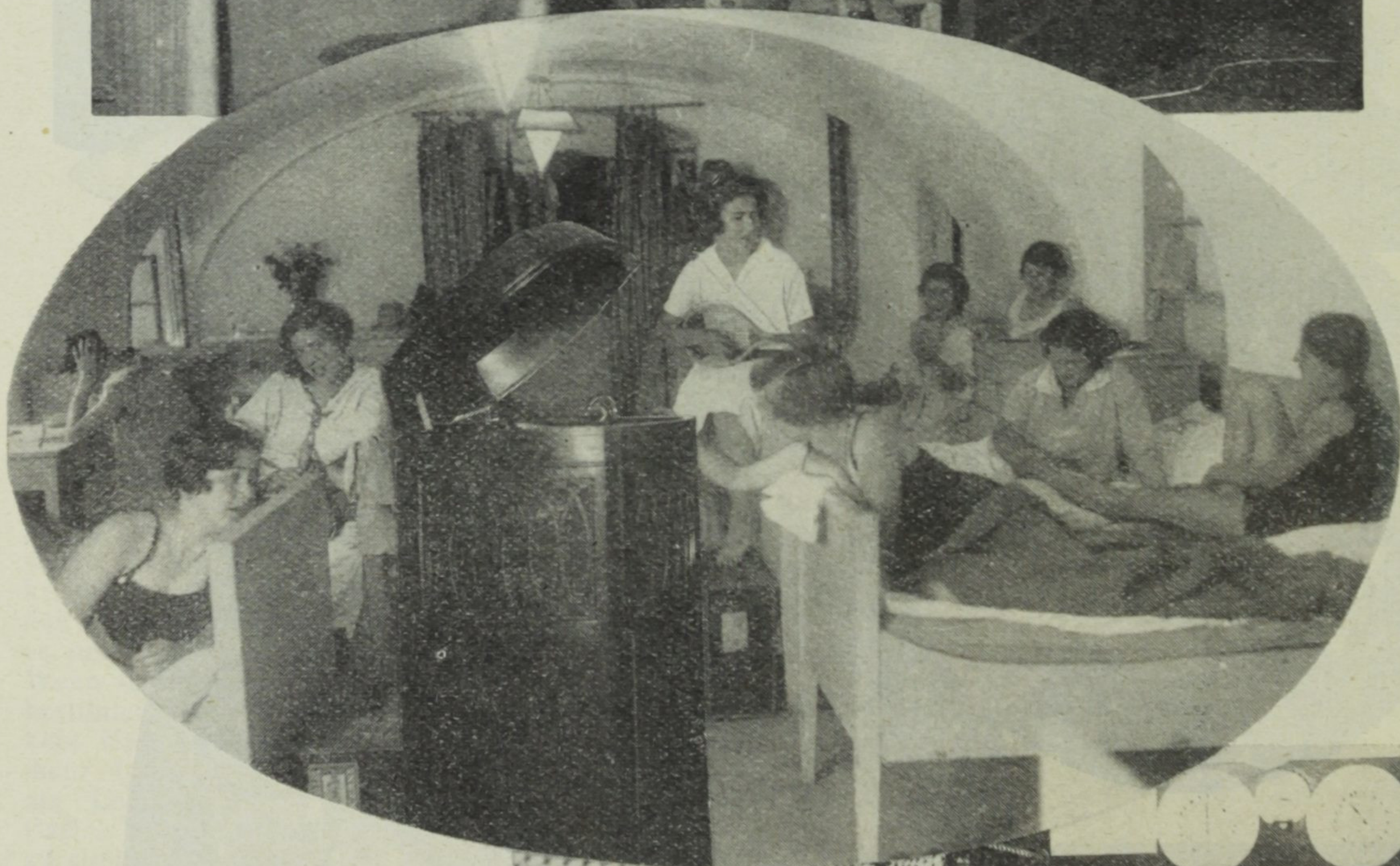
Вверху: Походный граммофон играет утреннюю музыку. Справа посередине: Музыка как соблазнительница. Ниже: Граммофонная музыка на завтрак. Внизу справа: Эффект смешной пластинки. Фотографии Виллингер

Сейчас в каждой благополучной семье есть дома граммофон. У изобретения Эдисона была своеобразная судьба. Вначале оно имело мировой успех. Граммофон стал сенсацией и был популярен повсюду. Но вскоре эта любовь переросла в ненависть. И вполне обоснованно. Ведь детские годы граммофона были ужасны. Редко какой мозг изобретателя рождал такого шумного ребенка, такого непослушного, громкого и отвратительного. Культура целого мира столкнулась с непокорным бунтарем, наложила на граммофон свои чары. Все музыкальные уши закрылись для него, обидевшись. Никто не хотел терпеть, никто не хотел ждать, пока граммофон станет инструментом искусства, небывалым достижением, несравненным культурным фактором.

Но сегодня мы уже знаем: граммофон восторжествовал. Он отточил себя, достиг высшего совершенства, он уже представляет собой самый мощный голос в музыке, он уже предстает в идеальном виде. Говорящая машина начала свой триумфальный забег во второй раз. И на этот раз навсегда. Даже самые консервативные слушатели, даже самые заклятые враги механической музыки не могут закрыть глаза на ее магию, на ее чудесную чистоту, они должны признать граммофон культурным фактором первого ранга. Его значение для истории человечества

такое же, как у электрического света, аэроплана или радио. Граммофон также накладывает свой отпечаток на новый облик мира. Отвращение к механической музыке может быть оправдано. Но граммофон не имеет ничего общего с механической музыкой. Он лишь воспроизводит личное искусство, и он воспроизводит его в со-

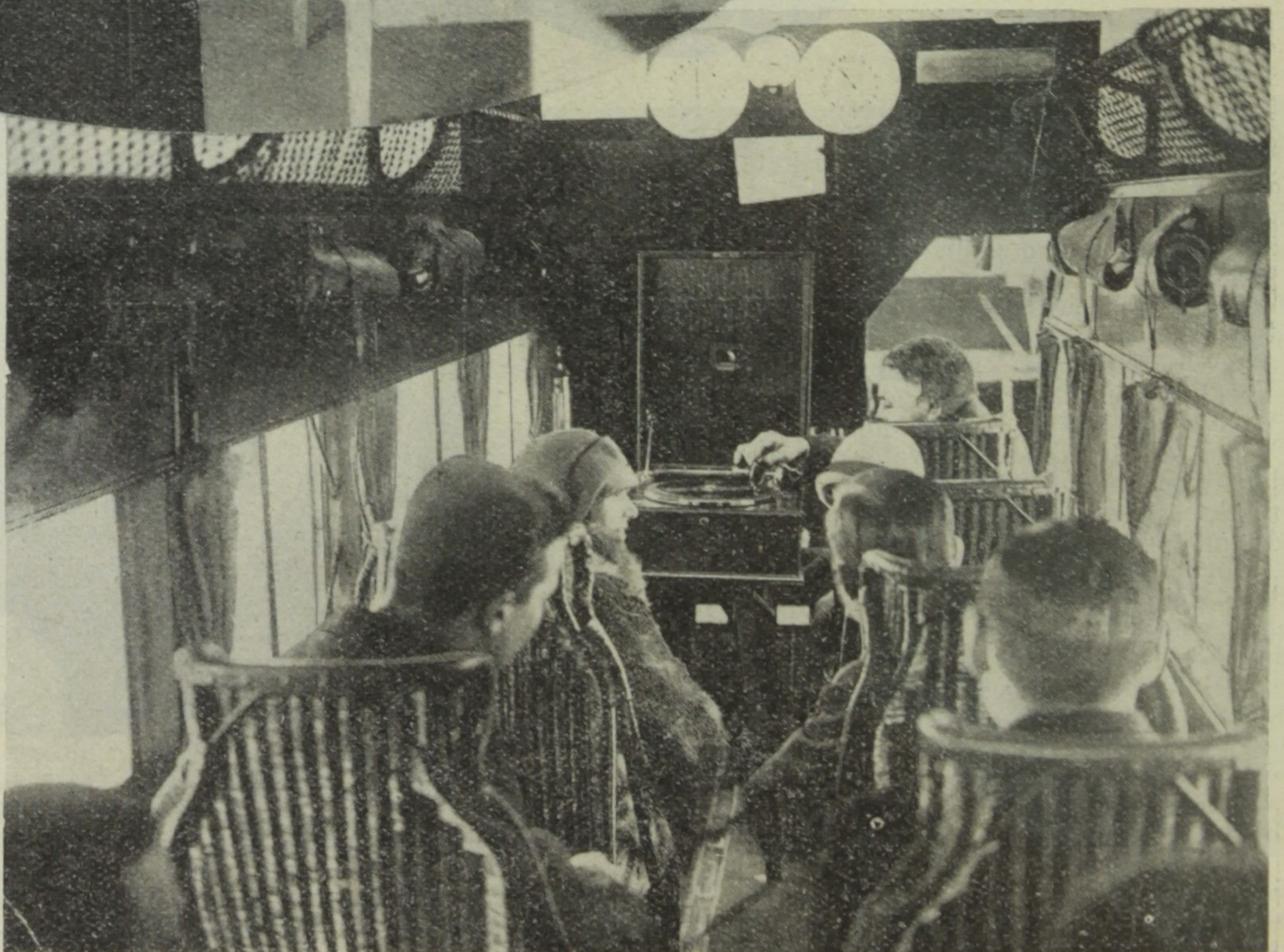

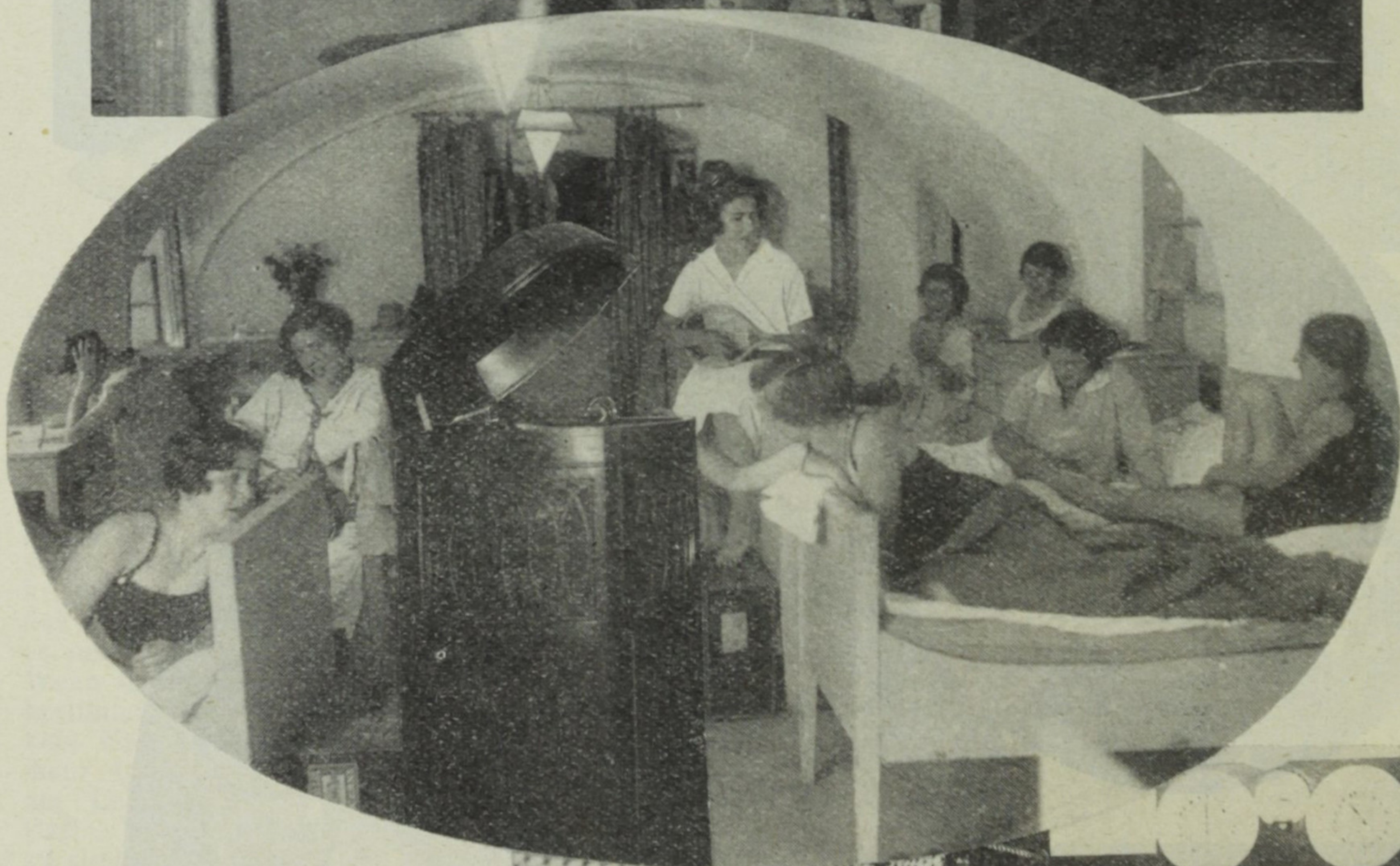
und zwar vollendet wieder. Es macht dem scheußlichen Konzertbetrieb, dieser absolut unkünstlerischen Art, Kunst zu empfangen, bestimmt ein Ende. Denn nun kann ich mich selbst, allein, gesammelt, zu jeder Stunde, die mir gefällt, und fern von jenem Musikbetrieb, in dem eine Hand die andere wäscht, ungestört durch lästige Nachbarn, dem Genuß und der Andacht musikalischer Dinge hingeben. Die berühmtesten Tenöre kann ich immer und immer wieder hören, ohne daß sie ermüden, ohne ihre Anstrengungen sehen zu müssen, ohne ihrem feisten Antlitz ausgesetzt zu sein, durch ihr Emponboint gestört zu werden. Ich kann die größten Symphonien genießen, ohne durch den schwitzenden Dirigenten abgestoßen zu werden. Ich kann Paul

Whitemans Jazzband Beifall zollen, ohne durch das Saxophon, dem ich zu nahe sitze, taub gemacht zu werden. Ich kann Caruso hören, dessen Antlitz schon längst leichenfahl im Glassarkophag ruht, ja ich werde vielleicht sogar meinen Urkeln dereinst die Stimme meines Vaters vorführen können. Moissi und die Lehmann, die Philharmoniker und Kiepura, die Revellers und die Doppelpianisten Doucet und Wiener, alle unsere Lieblinge werden unseren Nachkommen keine so leeren Namen mehr bedeuten, wie uns etwa der Sonntag oder der Winkelmanns, der eines Demosthenes oder Cicero. Ich kann das Piepen kleiner Vöglein ebenso wie die schwerste englische Aussprache mit Hilfe des Gramophons studieren. Die Jargon-Witze Eisenbachs und der Humor Girardis sind, und das ist nunmehr keine dumme Phrase, tatsächlich unsterblich.

Und das alles kann ich immer und immer wieder für mich allein haben. Und wenn ich will, auch noch für jemanden, den ich sehr liebe. Die süßesten Wiener Walzer und die verrücktesten Nigger-Songs, die ältesten Volkslieder und die neuesten Schlager kann ich meinen Gästen unermüdlich vorsetzen. Und der größten

Schaljapin singt fürs Gramophon. Darunter: Die Stimme des geliebten Tenors im Mädchenpensionat. Unten: Das Gramphonkonzert im Aeroplan.

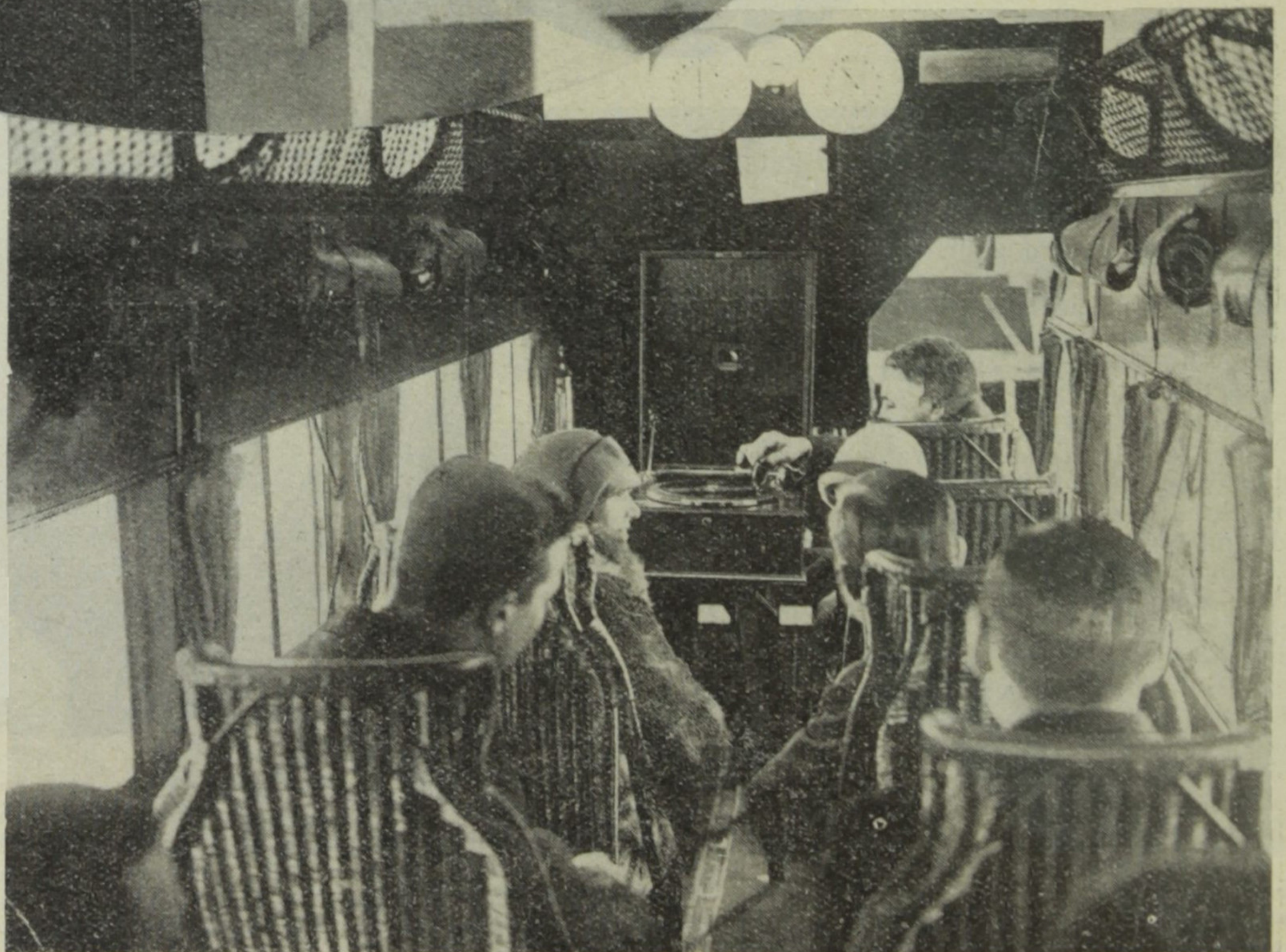

шаясь саксофоном, к которому я сижу слишком близко. Я могу слушать Карузо, чей труп с бледным лицом покоится в стеклянном саркофаге (перевод.- некоторое время действительно забальзамированный труп был выставлен на обозрение в стеклянном саркофаге) и, возможно, когда-нибудь я даже смогу подарить голос моего отца моим правнукам. Муасси и Леманы, Филармония и Кипура, Ревеллеры и дуэт пианистов Дусе и Винер, все наши любимцы уже не будут означать для наших потомков таких пустых имен, как, например, Зоннтаг или Винкельман, Демосфен или Цицерон. Я могу изучать писк маленьких птичек, а также самое трудное английское произношение с помощью граммофона. Жаргонные шутки Айзенбаха и юмор Жирарди - и это уже не глупая фраза - действительно станут бессмертны.

И все это я могу иметь в своем распоряжении снова и снова. А если захочу, то и для того, кого очень сильно люблю. Самые сладкие венские вальсы и самые безумные негритянские песни, самые древние народные песни и самые свежие хиты я могу без усталости ставить перед своими гостями.

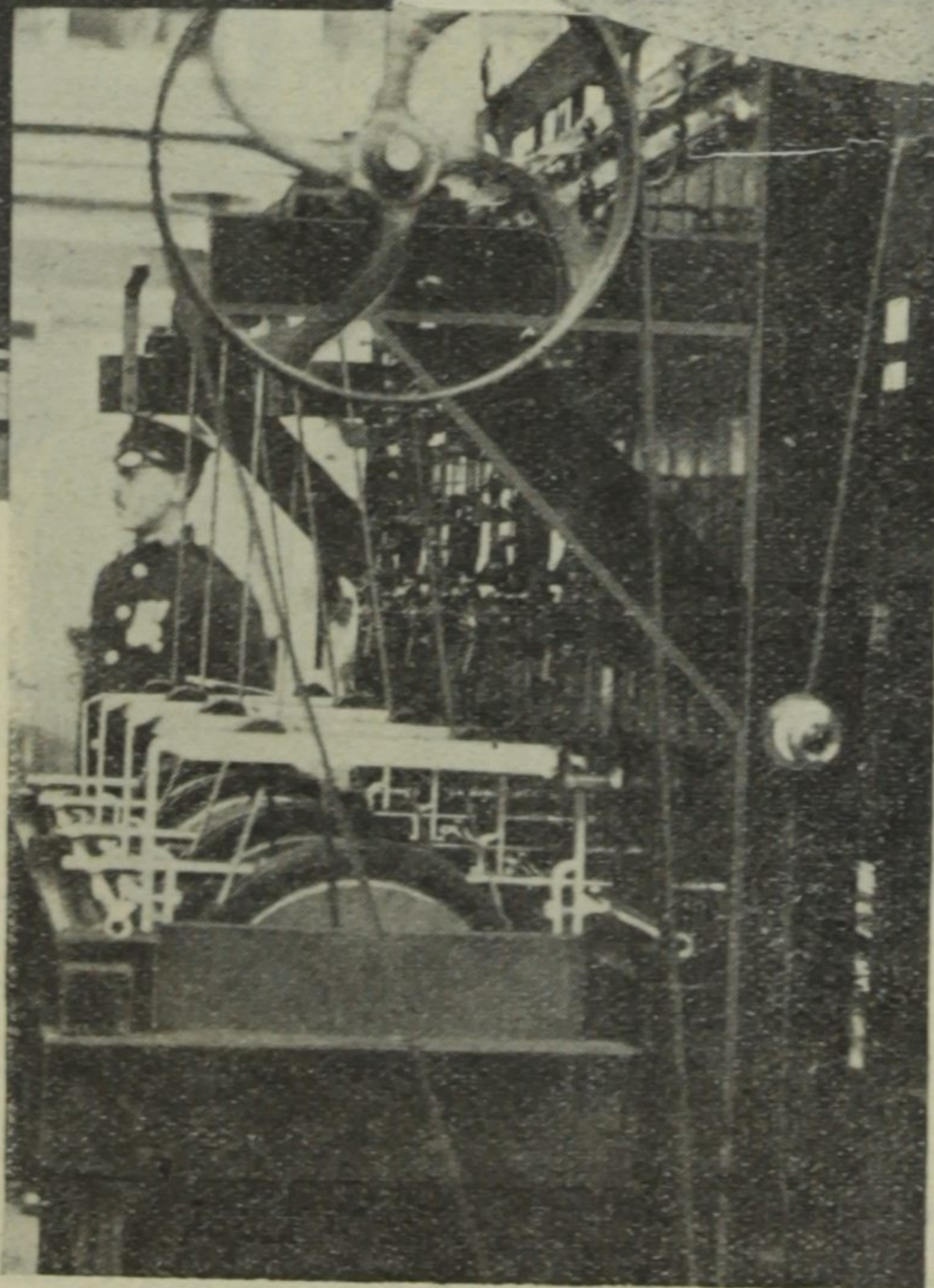
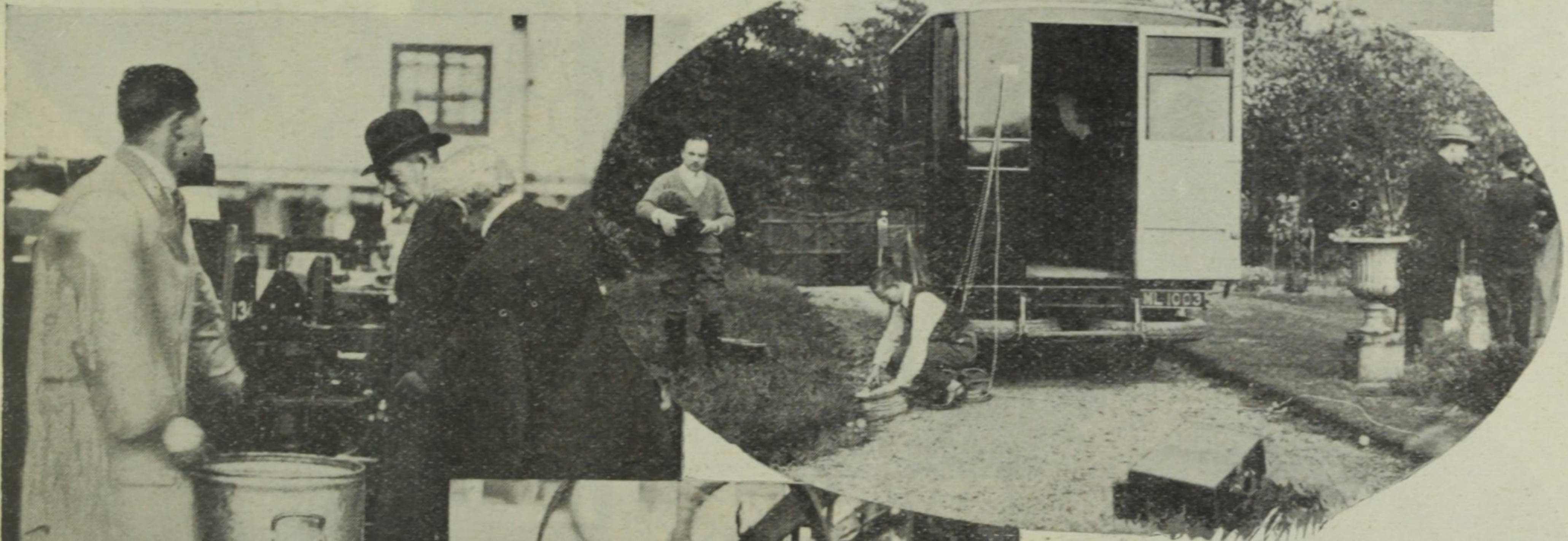
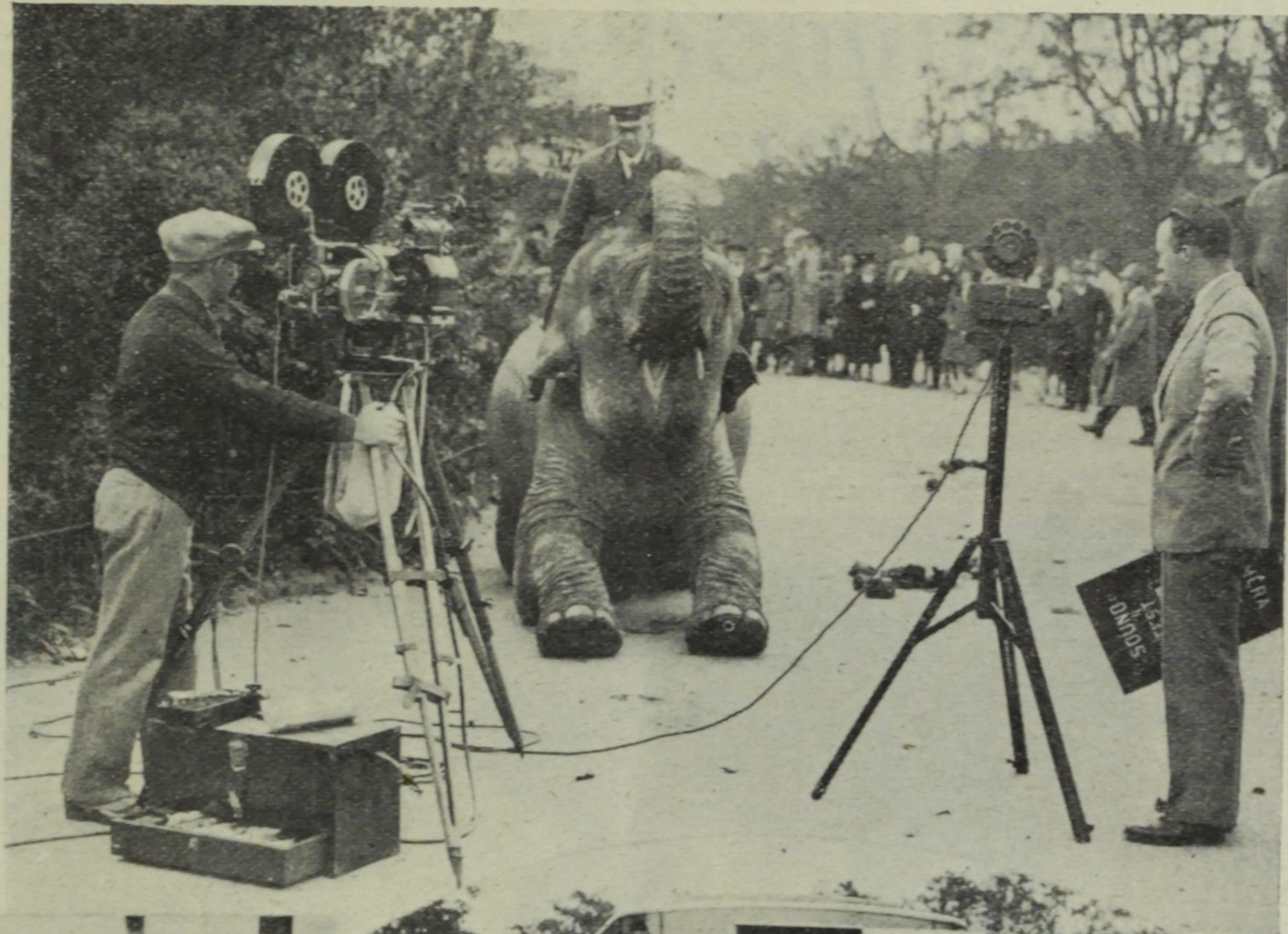
*Шаляпин поет для граммофона.
Под ним: голос любимого тенора
в пансионе для девочек.
Внизу: граммофонный концерт в
самолете.*

вершенстве. Это, безусловно, положило конец ужасному концертному бизнесу, "этому абсолютно бесхитрому способу получения искусства". Ведь теперь я могу посвятить себя наслаждению и предаваться музыкальным вещам, один, сосредоточенный, в любой час, вдали от этого музыкального бизнеса, в котором одна рука моет другую, не тревожимый назойливыми соседями. Я могу слушать самых знаменитых теноров снова и снова, не уставая от них, не видя их усилий, не подвергаясь воздействию их напряженных лиц, не испытывая беспокойства из-за сопереживания им. Я могу наслаждаться величайшими симфониями, не наблюдая потеющего дирижера. Я могу аплодировать джазовому оркестру Пола Уайтмена, не оглу-

Gesellschaft spielt das fleisige Grammophon stundenlang zum Tanz auf.

Wem aber das alles noch nicht genügen sollte, dem kann mein Grammophon auch ernst und wissenschaftlich kommen. Junge Musiker können nunmehr wirklich Partituren studieren und mit Hilfe des Sprechapparates ihr Studium ständig einer Kontrolle unterziehen. Die Zeit ist nicht mehr fern, da Film und Schallplatte an Stelle der Lehrer in den Schulen unterrichten werden. Ein moderner Anschauungsunterricht kann das Grammophon gar nicht mehr missen. Alle Sprachen der Welt kann mein Grammophon besser als der berühmteste Professor lehren. Und Geräusche wissenschaftlich auf das minutiöseste erforschen.

Das Brüllen des Elefanten wird gefilmt und im Grammophon festgehalten. (Wide World) Darunter links: Der englische König preßt seine eigene Stimme in die Grammophonplatte. Rechts: Vogelstimmen werden aufgenommen. Darunter, Mitte: Die fertigen Platten werden poliert.

Das Grammophon kann aber auch zu allerlei Versuchen herangezogen werden. Man kann durch schnelleres Laufen der Platte einen Bariton in einen Sopran verwandeln oder aus einem Trauermarsch einen Galopp erzeugen. Und umgekehrt. Foxtrotts werden zu Trauermärschen, Choräle zu Gassenhauern. Ich kann alle Klangfarben verändern und die brillante Technik eines Instruments zu übermenschlicher Schnelligkeit steigern. Man kann aber auch eine Platte rückwärts laufen lassen und eine Melodie verkehrt hören. Und wenn ich zwei Membranen aufsetze, singt die Jeritza mit sich selbst ein Duett. Nicht nur hu-

moristische Wirkungen erziele ich damit, sondern ich öffne auch ungeahnte neue Möglichkeiten, neue Forschungsgebiete.

Die erste Grammophon-Gesellschaft der Welt, die englische Grammophon-

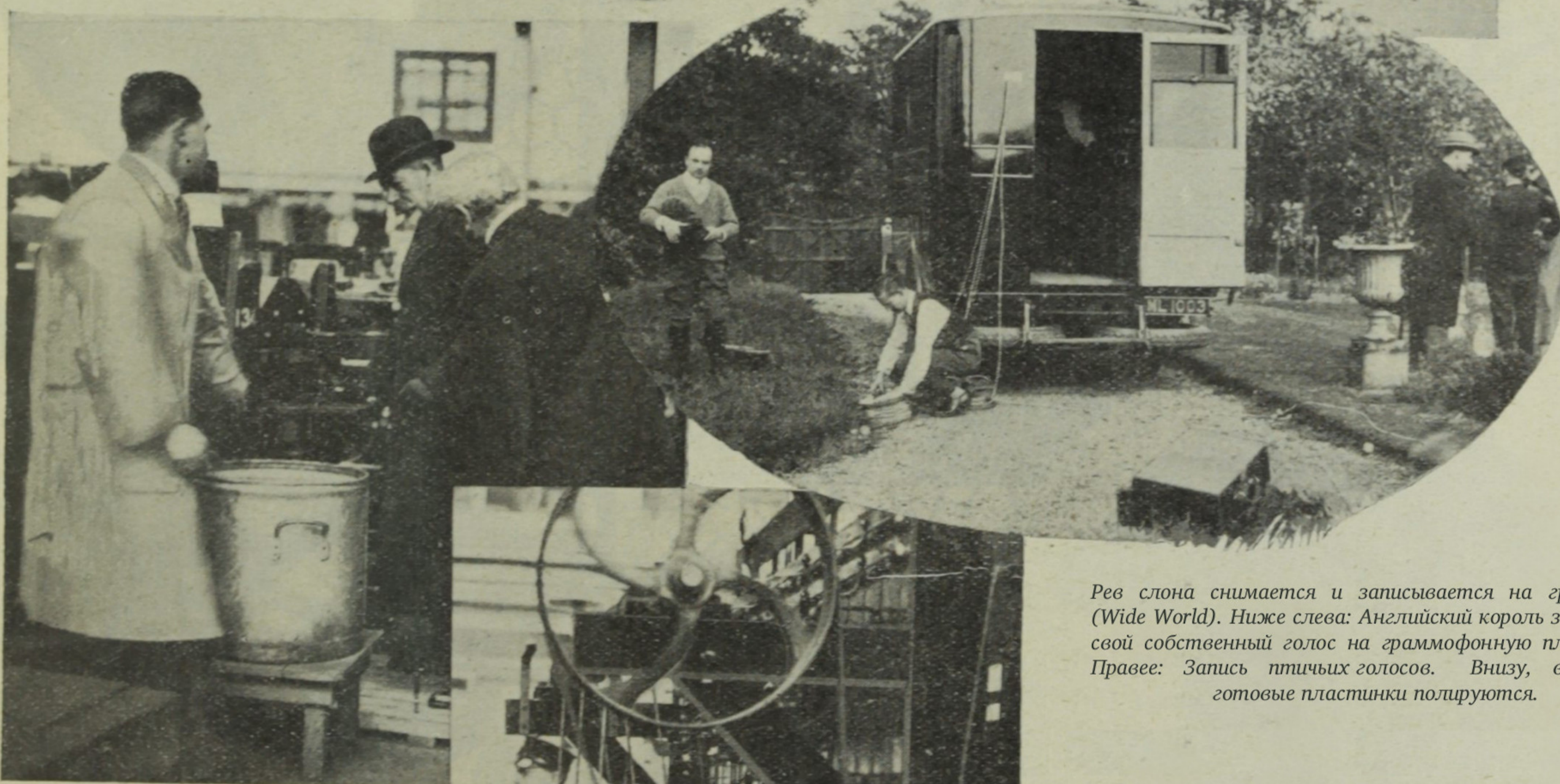
Compagnie „His masters voice“ besitzt das größte Matrizenmaterial. In Jahrtausenden wird ihr Archiv ganzen Universitäten Forschungsstoff bieten. Genau so wie sich heute noch Erfinder bemühen, das Grammophon noch weiter der Vollendung zuzuführen, das Material noch dauerhafter und aufnahmefähiger, die Platten noch geräuschloser, die Schalldosen noch empfindlicher zu gestalten. Es gibt heute schon Reisegrammophone, die trotz ihrer Kleinheit orchestrale Wirkung hervorbringen, und es gibt Platten, bei denen das Nebengeräusch fast unhörbar geworden.

Und es gibt Nadeln, die den lautesten Charleston ganz zart und leise bringen, einem Tango dienen, der im süßen Tête-à-tête nur für die geliebte Frau und mich bestimmt ist.

Darum Lob dem Grammophon! Denn es hilft uns eine neue Generation von Menschen zu erziehen, hilft uns, den Tod zu überwinden und uns das Dasein zu erleichtern. Dr. Fritz Liebstoekl.

А трудолюбивый граммофон часами играет, и под него танцует все общество.

Но если всего этого недостаточно, то мой граммофон может быть еще и серьезным, научным. Молодые музыканты теперь могут по-настоящему изучать партитуры и с помощью речевого аппарата подвергать свои занятия постоянному контролю. Не за горами то время, когда кино и пластинки заменят в школах учителей. Современное визуальное образование уже не может обойтись без граммофона. Мой патефон может научить всем языкам мира лучше, чем самый знаменитый профессор. И научно исследовать звуки в мельчайших подробностях.

Рев слона снимается и записывается на граммофон. (Wide World). Ниже слева: Английский король записывает свой собственный голос на граммофонную пластинку. Правее: Запись птичьих голосов. Внизу, в центре: готовые пластинки полируются.

Но граммофон можно использовать и для всевозможных экспериментов. Можно превратить баритон в сопрано, запустив пластинку быстрее, или создать галоп из похоронного марша. И наоборот. Фокстроты становятся похоронными маршами, хоралы - уличными песенками. Я могу изменить все тембры и поднять блестящую технику инструмента до сверхчеловеческой звучности. Но можно запустить пластинку задом наперед и услышать мелодию в перевернутом виде. А если я надену две мембраны, то Jeritza (перев.- Ерица - австрийская оперная певица) споет дуэтом сама с собой. С его помощью я не только достигаю юмо-

ристических эффектов, но и открываю невообразимые новые возможности, новые области исследований.

Первая в мире английская граммофонная компания "His masters voice"

владеет самым большим матричным материалом. Через тысячелетия его архивы станут материалом для исследований целых университетов. Так же и сегодня изобретатели стремятся еще больше усовершенствовать граммофон, сделать материал еще более прочным и восприимчивым, пластинки еще более тихими, звукосниматели еще более чувствительными. Сейчас уже есть дорожные граммофоны, которые, несмотря на свои небольшие размеры, производят оркестровый эффект, есть пластинки, на которых фоновый шум стал практически неслышим.

И есть иглы, которые очень деликатно и тихо доносят самый громкий чарльстон, подают танго, предназначенное только для любимой женщины и меня в сладком тет-а-тет.

Поэтому слава граммофону! Ведь он помогает нам растить новое поколение людей, помогает преодолевать смерть и облегчает нам существование. доктор Фриц Либинокль.